

18+

БОРИС ВАРАКСИН

Ложка дёгтя

Борис Вараксин

Ложка дёгтя

«Издательские решения»

Вараксин Б.

Ложка дёгтя / Б. Вараксин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983540-6

Порой в нашей жизни всё переплетается самым причудливым образом: вымысел и правда, смешное и печальное, низкое и высокое. Но что бы ни случилось, ко всему лучше относиться философски. Главное — душевное здоровье. А всё остальное приложится...

ISBN 978-5-44-983540-6

© Вараксин Б.
© Издательские решения

Содержание

Ложка дёгтя	6
Ни слуху, ни духу	7
Пётр и Павел	9
Сани & телега	12
Лебединая песня	13
Песнь белки	15
Любовь и птицы	17
Если б кошки любили мышей	19
Камень за пазухой	21
Встреча	23
Войти в реку	24
Ёжик и верблюды	25
Назвался груздем	26
Запах денег	27
Воронка @ снаряды	29
Уже совсем скоро	31
Облом	33
Nostalgie	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ложка дёгтя

Борис Вараксин

© Борис Вараксин, 2020

ISBN 978-5-4498-3540-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ложка дёгтя

Эта бочка с мёдом ничем не отличалась от множества других, отгруженных пчеловодческим комбинатом заказчику. Но именно в ней обнаружилась ложка дёгтя, повлекшая за собой самые серьёзные последствия.

Во-первых, был уволен директор комбината. И правда: несколько грамм пахучего зелья способны испортить аппетит сотням людей, отвлечь покупателей от чудесного, экологически чистого продукта, а имидж крупного хозяйства уничтожить навсегда. Простить такое? Ну нет...

За директором последовал начальник охраны. С ним тоже всё было ясно: на территорию пчелокомплекса проник злоумышленник, сделал своё чёрное дело и исчез в неизвестном направлении... Какие тут могут быть вопросы?

Был уволен и финансовый директор. Казалось бы, этого-то за что? А причина была. Он ведь ещё в позапрошлом квартале проплатил поставку суперсовременных ульев из Германии (с сенсорным управлением, системой видеонаблюдения и телеметрией в одном блоке), а их всё нет и нет. Объяснения со стороны поставщика невразумительные. Мол, улья проходят адаптацию к российским условиям эксплуатации. Пчёлы, видите ли, у нас другие! Может, оно и так, но зачем же делать стопроцентную предоплату, а после доплачивать трижды?

Последним свой пост покинул главный бухгалтер. Ну, этого-то всегда есть за что уволить (если не посадить). Объяснения не требуются.

Новые руководители, пришедшие на смену старым, приступили к исполнению своих обязанностей. Жизнь пчеловодческого хозяйства потихоньку вошла в прежнее русло.

Ни слуху, ни духу

Чего-чего, а петь Виктор Алексеевич любил. Особенно нравилась ему оперная классика. Её он мог распевать часами, находя в воспроизведении чарующих звуков неизъяснимое наслаждение. Единственное, что немножко огорчало – отсутствие слуха. Ему сказал об этом ещё в четвёртом классе учитель пения, огласив свой приговор сразу после того, как поставил годовую «тройку». Он бы поставил и двойку, но это было бы несправедливо по отношению к старательному ученику, с готовностью отзывавшемуся на малейшую просьбу что-нибудь пропеть. Правда, такая просьба прозвучала лишь однажды, но учитель понимал: наличие слуха – дар божий и даётся не каждому. Так что маленький Витя не заслужил не только «двойки», но и малейшего упрёка.

Однако, отсутствие слуха порождало ощущение лёгкой неполноценности и с этим надо было как-то бороться. И выход был найден: Виктор Алексеевич просто делал то, что ему так нравилось – пел всё подряд. Кстати, в его репертуаре была не только мировая классика, но и песни Аллы Пугачёвой и Филиппа Киркорова, Людмилы Зыкиной и Николая Баскова, Земфиры и Иосифа Кобзона. И всё это он исполнял с душой, с чувством, с толком, с расстановкой. И жить становилось легко и радостно.

Одно плохо: не было у него благодарных слушателей, а те, кто каким-то образом оказывался под воздействием звуков, издаваемых его голосовыми связками, спешили выйти из-под обстрела. Но ведь это была не его проблема?

Ещё Виктор Алексеевич любил насвистывать какую-нибудь мелодию. Что тоже вызвало однозначную реакцию у слушателей, выражавшуюся в страдальческом выражении лица и желании поскорее покинуть освистываемую территорию. Но всё это были мелочи, не способные отвратить исполнителя-энтузиаста от любимого занятия.

Шли годы. Тяга к пению становилась всё сильнее, слушателей – всё меньше. Были и положительные моменты, с этим связанные. Например, он практически не употреблял спиртное. В одиночестве пить не имело смысла, в компании же после первой рюмки его неудержимо тянуло что-нибудь пропеть. Как результат – испорченное настроение у слушателей и нежелание оных встречаться с Виктором Алексеевичем вновь.

И стало любимым времяпровождением поклонника песенного искусства катание на велосипеде по просёлочным дорогам. Здесь не было слушателей – ни благодарных, ни неблагодарных – и он мог оттягиваться по полной. Так что для своих лет Виктор Алексеевич выглядел весьма неплохо и справедливо усматривал в своей молодости благотворное влияние песенного искусства.

В тот день он отправился в очередной велопробег по окрестностям. Свернул с шоссе на просёлочную дорогу и помчался лесом. Заскрипели втулки и педали, замелькали ёлки и сосны... Захотелось петь во всё горло и Виктор Алексеевич не стал себя сдерживать: сначала исполнил арию Каварадосси из оперы «Тоска» композитора Джакомо Пуччини, после чего зазвучала ария Тореадора из оперы «Кармен». Тут было, что послушать, и неудивительно, что птицы благодарно смолкли, боясь внести в божественное звучание своё неуместное в данном случае щебетанье.

Воодушевление было столь велико, что Виктор Алексеевич не сразу обратил внимание на странное поведение переднего колеса. В шине упало давление! Она попросту сдулась! Пришлось остановиться.

Недолгое обследование резинового изделия подтвердило худшие опасения: из шины торчал ржавый гвоздик, тут же с отвращением выброшенный в кусты. Стало не до пенья. А если учесть отсутствие насоса, клея и кусочка резины для заплатки, то никаких других вариантов, кроме возвращения пешком, не было. И Виктор Алексеевич тронулся в обратный путь.

Настроение было испорчено до такой степени, что даже петь расхотелось. Этот момент хорошо прочувствовали птицы, принявшиеся щебетать на разные голоса. Но расшевелить пригорюнившегося велолюбителя они так и не смогли.

Придя домой, Виктор Алексеевич нашёл велоаптечку, зачистил место прокола, намазал резиновым клеем, прилепил заплатку. Начал накачивать стареньким насосом и понял: силёнок не хватает. Последнее время шины подкачивал племянник, тоже большой любитель велосипедного отдыха, однако в ближайший месяц его ждать не приходилось. Придётся самому.

Но как он ни собирался с духом, как ни давил на поршень, воздух в камеру не поступал. Насос прыгал в дрожащих от напряжения руках, на спине проступил пот, но никакого толку от этого было.

С грустью смотрел любитель велосипедных прогулок на уже немолодого двухколёсного друга. Неужели придётся с ним расстаться? В голове зазвучала ария Ленского из оперы «Евгений Онегин» и это было по-настоящему трагично. Но что же делать?

В веломагазине ему посоветовали купить новую камеру и насос к ней. Автомобильный. Просто на старых камерах был другой сосок, справиться с которым всегда было проблематично. Теперь настали другие времена и то, что вчера было несбыточной мечтой, сегодня явление повсеместное. Ну, что, покупаете?

После некоторых раздумий Виктор Алексеевич согласился. И снова заскрипели втулки и педали, замелькали на обочине ёлки и сосны, зазвучали любимые арии: Чио-Чио-Сан и Ивана Сусанина, Риголетто и Фигаро из «Севильского цирюльника». Всё было, как всегда и не нужно было ни слуху, ни духу, и вообще ничего, кроме хорошей погоды. А с нею был полный порядок. Во всяком случае, пока...

Пётр и Павел

Молодые, подающие надежды российские учёные Пётр Новиков и Павел Шестаков бились над этой проблемой уже третий год. Задача, стоящая перед ними, ещё никем не была решена. Заключалась она в том, чтобы разогнать теннисный мячик до скорости света (а если получится, то и больше), после чего зафиксировать новый мировой рекорд перемещения в пространстве материального тела.

Для решения поставленной задачи была создан гигантский ускоритель, работающий на принципах, доселе науке неизвестных, потребляющий колоссальное количество электроэнергии, для выработки которой была построена теплоэлектростанция, способная бесперебойно снабжать город-миллионник. Финансирование проекта взял на себя международный консорциум крупнейших банков планеты, а на медийное освещение брошены наиболее уважаемые средства массовой информации. Не остались в стороне и гиганты мировой телеиндустрии.

Весь мир, затаив дыхание, следил за ходом эксперимента, но результата всё не было.

Как часто бывает в подобных случаях, решение пришло неожиданно и совсем не оттуда, откуда следовало ожидать. Кому конкретно оно пришло в голову – Петру или Павлу – останется между ними. Но красота научного открытия впечатляет.

Учёные задались простым вопросом: если не удаётся увеличить числитель – может, попробовать уменьшить знаменатель? Другой вопрос, как это сделать. Но нужно попробовать.

Речь шла о времени. 300 тысяч километров в секунду – величина немаленькая. На такой скорости теннисный мячик усвистит за сутки на расстояние 25 миллиардов 920 миллионов километров. Вся беда в том, что разогнать пушистого летуна удавалось лишь до скорости 287,5 тысяч километров в секунду и ни метром больше. А вот если полётное время спрессовать, уменьшить на один час, то получилась бы как раз скорость света и все были бы счастливы.

Для укорачивания времени суток потребовалась ещё одна энергетическая установка. И она была создана, хотя финансирование дополнительного, непредусмотренного изначальной сметой объекта превысило все разумные границы. Мощность нового энергетического гиганта была умопомрачительной, а площадь, на которую она воздействовала, составила почти гектар. Должно было хватить...

Пётр и Павел в сотый раз проверили состояние кабелей и трубопроводов, обмоток и предохранителей, трансформаторов и генераторов. Всё было в норме и Пётр взялся за рубильник.

Загудели трансформаторы, засветились плазменные панели. Мячик стронулся с места и начал уверенно набирать скорость.

Через полтора часа непрерывного ускорения скорость подошла к критической. Ещё немного... Ещё чуть-чуть... Всё, предел достигнут! Цифры застыли на значении 287500 км/сек. Надо было двигаться дальше. Для чего и создавался энергетический монстр.

От волнения Павел, которому выпал жребий нажать на кнопку, сильно побледнел. Но всё-таки справился с грузом ответственности и нажал на «Вкл».

Энергетическая установка выдала мощнейший импульс, заставивший время замедлить свой бег, и на табло замелькали цифры 289000, 290000... Они дрожали и подпрыгивали и продолжали фиксировать новые рубежи. Скорость мячика уже практически вплотную приблизилась к заветной цели, но каждый последующий метр давался с огромным трудом. Возникло опасение: хватит ли энергии установки?

Дело в том, что из последнего письма, пришедшего из консорциума, со всей определённо-стью следовало: терпение инвесторов лопнуло. Денег больше не будет... Ни копейки! И так уже смета превысила все ожидания! Не будет результата – как хотите, так и кувырчайтесь...

Неужели величайшее научное достижение не состоится из-за каких-то трёх-пяти импульсов? Об этом не хотелось и думать.

Напряжение достигло апогея. Оставались жалкие 20 метров в секунду, 10, 5... Наконец, установка выдала решающий импульс и на табло засветились заветные цифры – 300 тысяч километров в секунду. Ни одно материальное тело до сих пор не летало так быстро!

Павел нажал «Выкл» и в изнеможении откинулся на спинку кресла. Их с Петром эксперимент благополучно завершился. Дальше их ждала всемирная слава, почёт и уважение. Ради этого стоило жить и биться над разгадками тайн Вселенной

Ликование охватило население Земли. Каждый чувствовал свою причастность к великому событию. Но больше всех радовались россияне. Их чувству гордости не было предела, а души переполняла вера в научно-технический прогресс. И это было прекрасно.

Банкиры тоже потирали руки: их вложения в, казалось бы, безнадёжную затею полностью оправдались. Принял посильное участие в торжествах и нобелевский комитет, присудивший отличившимся учёным свою премию сразу, не дожидаясь обычных в таком случае формальностей.

Однако, среди всеобщего восторга один учёный всё-таки сумел сохранить трезвость ума и не поддаться глобальной эйфории. Звали этого учёного Илья Пророков, причём его фамилия на удивление соответствовала его профессиональному реноме. Так, он в своё время в точности предсказал последствия разгадки тайны всемирной гравитации для развития металлургической промышленности, с чем были согласны даже самые ярые его оппоненты.

Что же не устроило критически настроенного россиянина в достижениях Петра и Павла? Конечно же, нерешительность, проявленная коллегами в конце эксперимента. Остановиться на самом интересном месте, не заглянуть за грань, отделяющую сверхсветовую скорость от световой... Это просто не укладывалось в голове! И Илья продолжил начатое его предшественниками.

Однако, на этот раз всё было намного сложнее. Инвесторы скептически отнеслись к предложению российского учёного. Они уже потратили чудовищные деньги! Конечно, отдача тоже была немаленькой (созданные в ходе эксперимента энергетические установки полностью обеспечивали потребности населения целого региона), но были и другие проекты. И всё-таки их удалось уговорить, и энергетическая установка мощностью, превышающей предшествующую в два раза, была создана.

Илья Пророков ни минуты не сомневался в положительном результате эксперимента. Чутьё подсказывало ему: всё будет о'кей. Он был абсолютно уверен: скорость света – не предел, и он подтвердит это экспериментально.

Были предприняты особые меры предосторожности. На всякий случай население прилегающих областей было эвакуировано, а полёты гражданской авиации отменены. И когда всё было готово, эксперимент начался.

Теннисный мячик покорно ускорился до предписанной ему скорости 300000 км/сек. Включились дополнительные мощности. Сутки медленно, но верно укоротились на 2 часа, при этом разгоняющие мощности оставались на прежнем уровне.

И скорость света была превышена, достигнув величины чуть больше 313636 км/сек. Так был поставлен мировой рекорд, остающийся непобитым до сих пор. Просто инвесторы сказали: «Хватит!» и прекратили дальнейшее финансирование. А так бы это ещё долго продолжалось...

К сожалению, Илья Пророков не удостоился заслуженных им почестей. Ведь он шёл в своём открытии уже проторенной дорожкой. А ценятся только идущие впереди.

Энергетические установки нашли применение в народном хозяйстве и деньги инвесторов не были выброшены на ветер. Пётр и Павел – признанные мэтры мировой науки, их имена вошли в поговорку, что является высшим признанием заслуг перед человечеством. И Илья Пророков под конец своей научной карьеры удостоился той же чести. Всё-таки, убавить день на два часа удаётся не каждому.

Сани & телега

С наступлением лета Михаил Степанович начинал готовиться к зиме. Подготовка заключалась, в том числе, и в работах по строительству саней. Дело это было хлопотное. Сани в наше время товар штучный, можно сказать – экзотический. Воспользоваться чьим-то опытом, конечно, было можно, но Михаил Степанович предпочитал всё делать сам: набрасывал план работ, включающий этапы проектирования, изготовления и доведения конструкции до ума, закладывал смету, определял поставщиков материалов и подрядчиков для выполнения особо сложных технологических операций. На всё про всё уходило месяца полтора и было это, в сущности, немного: другие-то работы по дому никто не отменял! А их было предостаточно, ибо лето – лучшее время для замены подгнивших ступенек крыльца, починки крыши и приведения забора в божеский вид.

После завершения теоретической части начиналось возведение стапеля для сборки будущей конструкции. Для этого предусматривалась часть сарая, предусмотрительно освобождённая от многолетнего хлама и предыдущих конструктивных разработок. И где-то к концу августа к работам по строительству саней всё было готово.

Тут бы и окунуться в творческий беспредел, погрузиться в решение технических вопросов. Но...

На дворе был уже сентябрь и с работой над санями пора было заканчивать. Осень – время для проведения других мероприятий: уборки урожая, приготовления солений и варений, обрезки деревьев и кустарников, сгребания опавших листьев и сжигания их на костре и много чего другого. Успеть бы до холодов!

Осень незаметно подходила к концу. Вот уже и ноябрь на излёте. Впереди – декабрь, а вместе с ним...

В декабре начиналась подготовка к лету, заключающаяся в строительстве телеги. Дело это было хлопотное. Телега в наше время товар штучный, можно сказать – экзотический. Воспользоваться чьим-то опытом, конечно, было можно, но Михаил Степанович предпочитал всё делать сам: набрасывал план работ, включающий этапы проектирования, изготовления и доведения конструкции до ума, закладывал смету и бюджет, определял поставщиков материалов и подрядчиков для выполнения особо сложных технологических операций. На всё про всё уходило месяца полтора и было это, в сущности, немного: другие-то дела никто не отменял! А их было предостаточно, ибо зима – лучшее время для катания на лыжах, подкормки птиц и мелких лесных зверей (особенно белок), разгребания сугробов, сбрасывания с крыши снега и сосулек. Так что только в феврале начиналась разборка стапеля для сборки саней и возведение стапеля для сборки телеги. К марту всё было готово.

Тут бы и окунуться в творческий беспредел, погрузиться в решение разного рода технических вопросов, неизбежно возникающих при строительстве такого сложного объекта, как четырёхколёсная повозка. Но...

На дворе был уже март с его чистым небом и ярким солнцем и с телегой пора было завязывать. В марте вообще неохота что-либо делать. Уж очень долгожданное это время года. А там и апрель с его половодьем, май с цветением яблонь и прочих фруктовых деревьев. В общем, время пролетало незаметно.

Вот и июнь. А с приходом лета Михаил Степанович начинал готовиться к зиме. Как обычно...

Лебединая песня

Тропинка вынырнула из леса и перед Дмитрием Ильичем открылся широкий простор: пологий берег, река, много воздуха и света. Красота!

Полюбовавшись на живописную картину, двинулся вниз, к воде. Вокруг – никого. А переправляться нужно.

Приглядевшись, заметил небольшой домик метрах в пятидесяти от берега, мостки. «Там непременно кто-нибудь есть» – подумал притомившийся путник и поспешил туда, где надеялся отыскать лодочника, который согласится перевезти на тот берег.

К мосткам была привязана лодка. Такие обычно дают в парке на прокат. Но мотор имелся. Правда, не очень мощный и явно не новый. Но выбрать не приходилось.

Где-то должен быть и хозяин...

А вот, кажется, и он:

– Здравствуйте! Не перевезёте на тот берег? Я заплачу.

Заросший щетиной мужик поднял на Дмитрия Ильича сонные глаза. Ну и видок у него! С перепоею, что ли?

– На тот берег? Отчего же не перевезти? Двести рублей устроит?

Голос хриплый, но перегар не ощущается.

– Да, конечно! Вот...

Мужик взял две сторублёвки, сложил пополам и бережно отправил во внутренний карман пиджака:

– Располагайтесь, я сейчас подойду. Бензин только принесу.

Дмитрий Ильич поспешил к лодке. Вид у неё был малопрезентабельный. На такой разве что в пруду плавать... Недалеко от берега... Ладно, лишь бы перебраться. Других вариантов всё равно нет.

Подошёл мужик с помятой канистрой:

– Милости просим! Да вы не бойтесь – домчу с ветерком. Присаживайтесь! Вот сюда... – и указал на лавку такого же цвета, что и канистра.

Дмитрий Ильич, прежде чем сесть, провёл рукой по гладкой поверхности. Вроде, чисто. Успокоился. Ну, с богом!

Мужик дёрнул за шнур... Раз... Другой... Третий...

Где-то с десятой попытки мотор, выпустив облако сизого дыма, завёлся. Мужик довольно крикнул и дал газ. Двигатель натужно взвыл и едва не заглох. Однако, мужик успел за что-то дёрнуть и тот хоть и с перебоями, но затарахтел. Путешествие началось.

Река в этом месте была особенно широка. Дмитрий Ильич подставил лицо набегающему ветру и зажмурился от удовольствия. Нет, всё-таки, водное путешествие – это супер! Хорошо, что ему повстречался такой классный лодочник!

Лодка выскреблась на середину реки и пошла, забирая против течения. Так было нужно, чтобы причалить в нужном месте. И всё шло хорошо до тех пор, пока мотор не поперхнулся, дёрнулся пару раз и заглох.

Мужик с руганью принялся дёргать пусковой шнур. Но всё было напрасно: мотор не заводился. Чудо инженерной мысли приказало долго жить и сделало это в самый неподходящий момент – аккуратно посреди реки, при резко ухудшившейся погоде, усилившемся ветре, гребешках на волнах и огромной чёрной туче, вывалившейся из-за горизонта.

«Та-а-а-к...» – подумал Дмитрий Ильич и на душе у него сделалось скверно.

Мужик, между тем, бросил свои бесплодные попытки вдохнуть жизнь в холодеющее железо и взялся за вёсла.

«Это конец!» – тоскливо подумал любитель водных прогулок и для этого у него были все основания: лодка сделалась игрушкой в руках разыгравшейся стихии и закончиться это могло плохо.

Мужик, интенсивно работая вёслами, прохрипел:

– Ты... Это... Извини! Я не хотел...

Дмитрия Ильича передёрнуло. Он не хотел... А кто матчасть в порядке содержать будет?

Пушкин?

– Что с мотором-то? Всё, какую?

– Да шут его знает. Вроде, не должен...

– И где мы теперь окажемся?

– Да уж где-нибудь... Спасаться нам надо. С рекой шутки плохи...

– Что-то спасательного круга не видать...

Мужик досадливо крякнул. Круга и впрямь не было.

– Ну, ты даёшь... Я же плавать не умею!

– Не умеешь? Хм... Что ж ты раньше не сказал?

– А должен был? У тебя что, этот случай с мотором... не впервой?

– Да всякое бывало. Только погоды такой не случалось.

Погода и впрямь была не подарок: разошедшийся дождь, порывистый ветер, волны, с силой бьющие в угловое судёнышко. Лодку несло по течению и мужик только и успевал, что поворачивать её носом к волне. Дмитрий Ильич тихо злился: «Чёртов лодочник! И зачем я встретил его? Сидел бы сейчас на берегу в безопасности. Проклятье! Убить его мало!»

В памяти всплыла песня со словами, удивительно созвучными происходящему. Тоже про лодочника... И голос – в точности, как у мужика: хриплый, со скрежетом. Как же того певца звали?

Вопрос занозой засел в воспалённом мозгу. Имя исполнителя убойного шлягера напрочь вылетело из головы. От расстройства, что память отказывает ему в такой малости, Дмитрий Ильич забыл о грозящей ему опасности. И вместо того, чтобы с ужасом взирать на мрачные волны, норовящие пустить ко дну хлипкое судёнышко, силился вспомнить имя того, кто ничем не смог бы ему помочь. Но вспомнить не получалось.

Лодочник, между тем, потихоньку выгребал со стремнины. Дождь, хлынувший как из ведра, начал стихать, в воздухе прояснело. А вскоре и вовсе выглянуло солнце. Дмитрий Ильич отчерпывал воду, но мысли его были далеко: всё-таки, как его зовут? Ну, как же?

– Что, брат, не можешь вспомнить? Я тебе подскажу... Когда приплывём...

Дмитрий Ильич растерялся. Лодочник читает его мысли? Стало не по себе.

– Не парься понапрасну! Давай-ка я лучше попробую...

Взялся за шнур, дёрнул...

Мотор завёлся с пол оборота. Словно ждал своего часа. Лодка бойко пошла нужным курсом.

Мужик чему-то молча усмехался. Молчал и Дмитрий Ильич, но ему было не до веселья.

Причалили. Дмитрий Ильич выбрался на берег, начал поправлять лямки рюкзака.

Мужик взялся за шнур:

– Профессор его имя, Лебединский!

Мотор взревел и лодка быстро набрала ход.

Дмитрий Ильич с силой хлопнул себя по лбу: «Ну да, конечно, как я мог забыть? Такое запоминающееся имя!» Закинул рюкзак за спину и, насвистывая любимый мотив, двинулся в гору.

Песнь белки

Белка песенки поёт,
Да орешки все грызёт.
А орешки не простые,
В них скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд.
Слуги белку стерегут.

Да, когда-то, в стародавние времена, белки на Руси являлись источником не только экономического благополучия, но и эстетического наслаждения. Ибо никто из лесных зверей так не услаждал слух древних россиян своим пением, как эти пушистые вертихвостки. Для кого-то их переливчатые трели были даже предпочтительней песен соловья. Но, в отличие от пернатого, белки пели не только по весне, но и в другое время года. Главное, чтобы было пропитание – орехи, шишки и прочие носители высококалорийного продукта, делающего жизнь лесных обитателей приятной и полезной для общества.

Но однажды всё изменилось. Тамошний князь, большой любитель охоты на крупного зверя, в ходе преследования свирепого вепря обратил внимание на прелестный мотив, льющийся с высокой сосны. Мелодия была столь чудесна, что князь плюнул на хрюкающего громилу, спрыгнул с коня и долго вслушивался в песню неведомого исполнителя. Тогда-то ему и доложили, что данная белка – лучшая певунья в здешнем лесу и егеря частенько приезжают её послушать.

Однако, князь не был бы князем, если б не спросил себя: с чего бы это его белка на его земле доставляет удовольствие не ему, а его челяди? Без его ведома!

Поймать и доставить во дворец!

Приказание было исполнено и у поющей белки началась новая жизнь, краткое описание которой и дал в начале нашего рассказа замечательный русский поэт.

Поначалу скорлупки у орешков были серебряные, а ядрышки – из самоцветов. Так распорядился князь, ибо негоже было столь замечательной белке питаться тем же, чем и её менее талантливые сородичи. Разве могущественный властитель не может позволить себе достойно обеспечить ту, которая доставляет ему столько удовольствия?

Однако, белка грызть серебряные орешки отказалась. Хоть и попробовала. А так как слугам было боязно гневить хозяина несговорчивостью его любимицы, то какое-то время её не кормили вовсе. Что весьма пагубно сказалось на певческих способностях чудо-зверушки. Белка погрустнела и тихо сидела в клетке из чистого золота, на изготовление которой пошла треть государственного бюджета.

Узнав о возникших проблемах, князь схватился за голову. Как он мог? Серебряные скорлупки... Немедленно отлить из чистого золота! А ядра... Да об эти самоцветы кто хошь зубы обломает! Только изумруды! Чистейшей пробы! Из самого, что ни на есть, дальнего зарубежья!

Все забегали, засуетились. И вот уже вместо постыдно дешёвых орешков из серебра в кормушку засыпаны орешки из чистого золота с умопомрачительными по стоимости ядрами-изумрудами.

Все вздохнули с облегчением.

Оголодавшая белка разгрызла один из блестящих шариков, добралась до сердцевинки и... Чуть не сломала зубы. После чего завалилась на бок и лишь слегка подёргивала лапками.

– Кажись, подышает... От голода... – сделал вывод один из слуг, слывший самым продвинутым в вопросах медицины. В воздухе запахло крупными неприятностями: проштрафившихся драли на конюшне с большим усердием.

– Ей бы кленовых семечек... Или орешков... Кедровых...

Но послушаться княжеского приказа было нельзя. Приказано кормить изумрудами – значит, ими и кормить.

Наверно, белка так бы и погибла, если б не княжеский отпрыск. Вот уж кому было до лампочки, что скажет его родитель. Насыпал семечек, приласкал несчастную. Белка потихоньку и оклемалась. Только вот петь перестала. Совсем. Потеряла голос. С голодухи.

Доложили князю. Тот, конечно, расстроился, но поделаться ничего было нельзя – белка смолкла раз и навсегда. А ведь её брали за вокальные данные. Не кормить же теперь просто так?

В общем, от белки избавились. Отнесли клетку в лес, дверцу открыли – и до свидания.

Молчание соотечественницы подействовало на остальных лесных обитательниц удручающе. Стало ясно: в княжеских лесах лучше помалкивать. А то, неровён час, поймают и начнут кормить всякой дрянью. Уж лучше бегать по деревьям молча, не привлекая к себе особого внимания. Целее будешь.

А ещё говорят – белки глупые. Нет, они совсем не глупые, ибо сделали правильные выводы и больше на пении не попадались. А вот соловья никто не трогал и он теперь вне конкуренции. И это не так уж и плохо.

Любовь и птицы

Михаил Петрович очень любил всякого рода живность. Особенно мелких зверушек. И однажды он заметил двух белок, с шумом гонящихся друг за другом по деревьям, окружавшим его старенькую дачу. Мимо такого события пройти было нельзя и Михаил Петрович решил симпатичным зверькам помочь в смысле пропитания – прикрепил к ближайшему дереву на высоте 4-х метров кормушку, наполнил её кедровыми орешками и стал ждать.

Позиция для наблюдения была идеальной: кормушка располагалась прямо против окна на дереве в трёх метрах от дома. Белки непременно должны были заметить предложенную им вкуснятину и бежать к ней со всех ног. Однако, ничего такого не произошло и кедровые орешки продолжали лежать нетронутыми. Те же, кому они были предназначены, шелушили еловые шишки, лакомились кленовыми семечками и оставались к предложенному лакомству равнодушны. Видимо, они попросту не сталкивались ранее с пищей своих предков, ибо кедр в данной местности не произрастал.

Прождав полдня и так ничего и не дождавшись, Михаил Петрович приставил к дереву лестницу и поднялся к кормушке. По логике вещей, орешков убавиться было не должно. Однако, кормушка была пуста. Значит, белки всё-таки добрались до угощения и орешки пощёлкали. Правда, смущало отсутствие скорлупок вокруг. Но, видно, это были очень аккуратные белки, убиравшие сор за собой. Или они утаскивали орешки в какое-то другое место. Как бы то ни было, количество орешков было восполнено, а наблюдение за кормушкой продолжено.

И снова белки не проявили должного интереса. Они бегали по деревьям, прыгали с ветки на ветку, дразнили окрестных кошек, даже иногда заглядывали в кормушку. Казалось – вот, сейчас, хотя бы из любопытства, они разгрызут орешек-другой... Нет, зверьки разворачивались и стремительно убегали вверх по дереву. А увидеть, как они щёлкают орешки, очень хотелось.

Но если белкам орешки без надобности, то кто же их ест? Не птицы же? Зачем они пернатые?

И всё-таки это были птицы. Причём не мелюзга какая-нибудь, а крупные и очень нахальные сойки. Они стремительно планировали на кормушку, хватили орешек и улетали. Возможно, это была одна и та же сойка, но очень прожорливая.

Разочарованию Михаила Петровича не было предела. Он вовсе не собирался кормить каких-то соек! Он проявлял заботу о белках! А тут выясняется, что его помощь им не нужна! Но коли так, то и ладно.

Восполнять унесённое птицами рассерженный любитель живой природы не стал и занялся другими делами.

Прошла неделя. Белки продолжали свои игры и, судя по всему, были счастливы. То есть кормушка, на сооружение которой были потрачены немалые усилия, оказалась ни к чему? И зачем тогда было ею заниматься?

А что, если предложить капризным зверькам другую пищу, более им привычную? Лесные орехи, например, известные, как фундук? Их-то белки должны знать!

Сказано – сделано. Куплен килограмм лесных орехов, приставлена лестница, отсыпана горсть. Теперь можно и понаблюдать.

На этот раз белки оказались стоворчивей. И пока одна бегала по соседним ёлкам, другая забралась в кормушку и принялась за угощение.

Разделавшись с одним орехом, белка ухватила другой и исчезла в еловых ветвях. Через некоторое время вернулась, схватила ещё один и снова исчезла...

Так продолжалось до тех пор, пока кормушка не опустела. Но Михаил Петрович не стал форсировать события и подъём следующей партии даров леса перенёс на завтра. Чтобы орехи не слишком быстро закончились.

На следующее утро первое, что сделал любитель природы – пополнил кормушку и устроился поудобней. Сейчас прибегут шаловливые вертихвостки и начнётся самое интересное: зверьки будут брать орешек в лапки и долго крутить его, прицеливаясь, чтобы раскусить.

Однако, вместо белок прилетела... сойка. И почувствовавший неладное наблюдатель и глазом не успел моргнуть, как птица раскрыла клюв, схватила орех и была такова.

Михаил Петрович сидел, как пришибленный. Это что же получается? Сойка снова нарушила его планы? Какого чёрта? Эти орехи – не для неё! Пошла прочь, воровка!

И только он это подумал – птица снова спланировала на кормушку, схватила следующий орех и улетела.

Ну, это ей даром не пройдёт! Взбешенный птичьим нахальством, Михаил Петрович бросился за шишками. Сейчас он ей покажет!

Сойка не заставила себя долго ждать. Видимо, решила ковать железо, пока горячо. То есть таскать орехи, пока те не кончатся.

Михаил Петрович кричал на воровку, топал на неё ногами, кидался шишками и грозил кулаком... Бесполезно! Сойка таскала орехи до тех пор, пока те не кончились и лишь после этого успокоилась: затаилась где-то на соседнем дереве в ожидании очередной порции понравившегося ей угощения.

Это был удар. С грустью наблюдал потрясённый птичьим коварством любитель животных, как припозднившаяся белка обследовала пустую кормушку и разочарованно взбегала вверх по дереву. Опять хлопоты напрасны? Белка-то приходила время от времени, а сойка находилась подле кормушки постоянно, дожидаясь подходящего момента.

Стало ясно: кормушка требует модернизации. Но как сделать так, чтобы белка могла проникнуть внутрь, а сойка – нет? Интеллект Михаила Петровича вошёл в конфликт с птичьим интеллектом и было бы странно, если б он не вышел из этой дуэли победителем.

Кормушка обрела крышу, по бокам появилась сетка. По идее, птица должна была отказаться от проникновения внутрь кормушки ввиду небольших размеров оставленного входа. А вот для белки его должно было хватить.

Однако, когда кормушка снова наполнилась, птица спокойно проникла внутрь кормушки и вынесла очередной орех. Михаил Петрович был уязвлён в самое сердце и подверг уже модифицированную кормушку серьёзной доработке.

И настал тот момент, когда в усовершенствованную конструкцию была сыпана партия неуязвимых для крылатых воришек орехов. Не без злорадства наблюдал создатель хитроумного устройства, как сойки, сменяя друг друга, заглядывали внутрь кормушки, возмущённо вертели головой, беспокойно подпрыгивали и безуспешно пытались достать хотя бы один, самый маленький орешек. Всё было напрасно – защита работала отлично.

Теперь осталось только дождаться белку. Хватит ли у неё сообразительности пробраться внутрь?

Хватило! И окончательно успокоившийся изобретатель довольно потёр руки: зловерная птица была посрамлена.

Пришло время подвести итоги. Они были не слишком утешительны. По всему выходило: кедровые орешки, с которых всё и началось, были склёваны сойками. И лесные орехи в большей их части тоже были утащены ими. Белкам досталось совсем немного.

Что ж, опыт – дело наживное. Но теперь всё будет как надо. Михаил Петрович ещё раз торжествующе взглянул на сидевшую на ветке сойку и начал собираться на рынок. За орехами...

Если б кошки любили мышей

Кот был большим, пушистым и очень агрессивным по отношению к мышам. Те его страшно боялись. И было, от чего: сколько их побывало в цепких кошачьих лапах – и не сосчитать.

Хозяева не нарадовались на кота: мышей в доме не было. Хотя оставляй кусочек сыру на столе. Подобное усердие четвероногого охотника не могло остаться незамеченным и кот периодически удостаивался порции сметаны. Что неплохо мотивировало его на новые подвиги.

Кроме кота хозяева держали ещё и большого пса. Тот сидел на цепи и грозным лаем пугал прохожих. К коту пёс относился со скрытой неприязнью. Тот раздражал его своим вольным образом жизни: ходил, где хотел, лазил, куда придётся. Пёс настороженно наблюдал за проделками домашнего любимца и только и ждал подходящего момента, чтобы задать тому трёпку. Но сделать это было проблематично: по двору псу бегать не позволялось, с цепи его спускали только на время прогулки по лесу.

Тихая вражда не могла не найти какого-то выражения и нужен был лишь подходящий повод. Но его пока не случилось. А потом и вовсе произошло нечто, в корне изменившее годами складывавшуюся систему дворовых отношений.

В тот день кот устроил очередную охоту на мышей и выволоч на всеобщее обозрение целую партию серых тушек. За что резонно было получить одобрение хозяев, а с ним и порцию сметаны. Однако, вместо поощрения на кота цыкнули, мышей же быстренько убрали.

В чём была причина подобного отношения, кот не понял. А всё было просто: с минуты на минуту должна была приехать внучка, обожавшая маленьких симпатичных грызунов. Причиной тому являлся прелестный мультсериал из жизни серых симпатяг, только что с успехом прошедший по телеэкранам.

Пренебрежительное отношение к результатам его труда коту не понравилось. Он забрался в заросли ежевики, улёгся там и захандрил. Обида глодала кошачье сердце. Он так старался...

Но раз его охотничьи навыки никому не нужны, чего корячиться? Бегать за этими мелкими вредителями, выслеживать их, сидеть в засаде... Одного спортивного интереса тут явно недостаточно. Что же касается инстинкта, то с ним всегда можно договориться.

Решив, что за мышами бегать больше не имеет смысла, кот почувствовал странное облегчение. Наверно, в душе он всегда был против охоты на маленьких бездельников и ловил их скорее по привычке. И первый же повод отказаться от преследования хвостатых пiskuнов был воспринят им с полным удовлетворением.

Очень скоро мыши обнаружили: с их мучителем что-то не так. Он перестал обращать на них внимание! И мыши сначала робко, а потом всё смелее принялись проверять свою догадку.

Однако, ни пробежки возле кошачьего носа, ни даже дёрганье за усы не побуждали кота к действию. Вся его реакция заключалась в ленивом открывании левого глаза и лёгком шевелении кончиком хвоста.

Наконец, грызуны совсем обнаглели и принялись бегать по лапам, спине и бокам некогда грозного ловца. И на этот беспредел кот отреагировал. Но как! Он принялся осторожно смахивать со своей шерсти попискивающих вредителей и его когти при этом не высунулись ни на миллиметр.

За всей этой катавасией наблюдал пёс, которому очень захотелось избавиться от цепи, на которой он сидел и задать-таки пожирателю сметаны хорошую трёпку. Однако, вскоре в собачьей голове появились и другие мысли. Например, в здравом ли уме этот кот? И если да, то почему столь лояльно относится к мышинной распущенности?

Пёс недовольно зарычал. Кот явно превзошёл его в вопросах гуманизации отношений между едва ли не самыми непримиримыми представителями животного мира. Отсталость собачьей доктрины, заключающейся в преследовании по поводу и без мяукающего соседа, стала очевидной. И пёс, скрепя сердце, решил: хватит! В конце концов, это нецивилизованно – решать вопросы силовым путём. Нынче другой миропорядок и он подчинится его требованиям!

И всё изменилось. Кот больше не охотился на мышей, а терпеливо сносил их проделки. Пёс же всем своим видом давал понять: отныне до кота ему нет никакого дела. Кстати, тот сразу почувствовал отсутствие агрессивных намерений со стороны гавкающего сторожа и обходил будку не на приличном расстоянии, как обычно, а буквально перелезал через её лохматого хозяина, лежащего возле миски. Тёплая собачья шерсть показалась ему достаточно привлекательной, чтобы прилечь на ней сначала на пару часов, а потом и на всю ночь. И псу ничего другого не оставалось, как поменьше шевелиться, дабы не мешать отдыху пушистого лежебоки.

Скоро к ним присоединились мыши и воцарилась всеобщее благоденствие. Довольны были все, в том числе и внучка, принявшаяся снимать умильную сценку на смартфон. Потом умилилась вся сеть, пошли доходы от рекламы. Животных стали лучше кормить, их внешнему виду уделялось всё большее внимание. В общем, о прежней вражде и не вспоминали.

Единственные, кому происшедшая метаморфоза сильно не понравилась, были хозяева. Они даже какое-то время подумывали, не сменить ли нынешних питомцев на других. А то ведь сыр на столе стало невозможно оставить. Но...

Решили оставить всё как есть. Сыр ведь – не главное...

Камень за пазухой

Все камни были как камни, и только этот – за пазухой. Туда его положили на время и так и оставили. Там он и лежал, между майкой и рубахой, и прекрасно себя чувствовал. Ещё бы: другие камни пребывали совсем в других условиях. Их поливало дождём и порошило снегом, грело солнцем и холодило заморозками. По ним ползали муравьи, их топтали люди и звери, а им приходилось всё это терпеть. Они молчали даже тогда, когда на них поднимала ногу собака, не говоря уж о человеке с его необоримыми потребностями.

В несколько лучшем положении были камни, находящиеся в земле. Во всяком случае, их никто не беспокоил. Ценой этому было отсутствие воздуха и света, а также безжалостное промерзание в лютые морозы. Правда, подобный дискомфорт наблюдался лишь до глубины полтора метра.

Отдельный разговор о камнях прибрежной полосы субтропической зоны. Вот кому было хорошо! Ласковое солнышко, нежный прибор... Но и тут не обходилось без ложки дёгтя: в случае шторма всю эту честную компанию колотило и переворачивало, яростно полируя и так до блеска отшлифованные бока.

Единственные, кто пребывал в привилегированном положении – камни с морских глубин. Вот про кого можно было сказать: их ничто не колышет! Последствием такого исключительного положения было обрастание водорослями и ракушками, кардинальное изменение формы и практически полная потеря идентичности.

Ещё были камни в почках и это – самая печальная страница в длинной каменной летописи. Никаким другим камням не выпадало столько страданий. Их и так недолгая жизнь с какого-то момента превращалась в ад. Их дробили ультразвуком и травили химическими препаратами, воздействовали гомеопатически и медикаментозно. Всё это сопровождалось эксцессами болезнетворного характера и заканчивалось ничейным результатом.

Камню за пазухой подобное не грозило. У него было другое предназначение. Какое именно, было неясно. Заморачиваться по этому поводу смысла не имело и камень просто наслаждался уютом и комфортом. Завидовали ли ему другие камни? Трудно сказать. Но все понимали: рано или поздно это благоденствие кончится. Возможно, камень извлекут из-за пазухи, подкинут пару раз в воздухе и пошлют в Лексус, вторую неделю паркующийся на газоне. Или отправят на встречу с Жигулями с периодически включающейся сигнализацией. Или пустят с балкона прямёхонько в крышу КАМАЗа, повадившегося прогревать мотор под окнами. А ведь был ещё сосед по даче, чья собака начинала лаять в одиннадцать вечера и заканчивала в четыре утра, с тем, чтобы продолжить в районе шести. А другой сосед по даче в районе пяти принимался откачивать содержимое своего септика в придорожную канаву, совершенно не беря во внимание направление ветра. А ещё один сосед, из соседнего переулка, разводил дымный костёр в самое неподходящее для этого время.

В общем, выбор для применения поражающих способностей камня был чрезвычайно широк. Однако, всякий раз его обладателя что-то останавливало и камень так и жил в постоянном контакте то с одной майкой, то с другой. Рубахи тоже менялись, причём летом их иногда не было вовсе. В таких случаях камень перемещался в зазор между майкой и голым телом, где и пребывал в состоянии полной боевой готовности.

Так продолжалось много лет, пока однажды владельцу камня не пришла в голову простая мысль: чем всё время держать камень за пазухой, не проще ли положить его в укромное место и держать там. Плюсы от такого распоряжения имуществом налицо: сроки носки одежды существенно увеличатся, да и опасность выпадения камня в самый неподходящий момент снизится до нуля. Выбрасывать же его всё-таки не стоит. Вдруг ситуация станет критической?

И перекочевал камень в тумбочку со многими ценными вещами, среди которых были: моток проволоки неизвестного происхождения, сломанные карандаши, десятка полтора шариковых авторучек с пустыми стержнями, кипа визиток возрастом за 20, грязные расчёски, ржавые лезвия, скрепки, кнопки, ластики, коробки, инструкции и гарантийные талоны. Среди всего этого добра камень выглядел так, словно провёл здесь всю свою жизнь. И можно быть уверенным: о нём вряд ли кто вспомнит в ближайшие тридцать лет. Ну, если только не отключат воду, газ и электричество.

Встреча

Тропинка вилась вдоль берега реки и ехать на велосипеде было сплошное удовольствие. Солнце, зелёная травка, одуванчики... И всё такое свежее, волнующее! Только в мае и бывает такая красота. Холодная зима осталась позади, впереди лето с купаниями и загораниями. Нет, что ни говори, а жизнь прекрасна!

Сиденье мягко поскрипывало, руль вздрагивал на небольших кочках. Напрягаться не хотелось, и Николай Петрович лениво перебирал педалями. Да и куда торопиться? Так хорошо кругом!

Сюда, на пустынный берег Истры, он приезжал довольно часто и всякий раз находил здесь и успокоение, и отдохновение, и что-то ещё, очень нужное душе и сердцу. Лучшего места на Земле было не сыскать.

Вдали показались четверо... На лошадях... Всадники в наше время – явление неординарное, так что внимание к ним со стороны Николая Петровича было обеспечено.

По мере приближения выяснилось: это не всадники, а наездницы. И какие! Молодые, красивые... Пришло и некоторое разочарование: один всё-таки оказался парнем, румяным и здоровым. Но не волноваться же по этому поводу?

Одна из дам остановилась и принялась что-то поправлять у лошади. Николай Петрович почувствовал волнение: девушка была диво, как хороша. Длинные белокурые волосы, гибкий стан, лосины, обтягивающие стройные ноги...

Непонятно, намеренно ли, но её лошадь совершенно перегородила тропинку – ни проехать, ни пройти. При этом девушка и не думала как-то воздействовать на свою подопечную, чтобы освободить проезд и не мешать движению велосипедиста. Больше того, Николаю Петровичу почудилась насмешка в девичьем взгляде, что окончательно сбило его с толку.

Взять влево? Но тогда придётся съехать с тропинки и объезжать препятствие по кочкам. В принципе, ничего страшного. Только бы лошадь стояла тихо и не лягнула без всяких на то оснований.

Умное животное даже не пошевелилось и Николай Петрович продолжил свой путь. Однако, природа больше не радовала его. Что-то в ней изменилось, чего-то стало не хватать. И чем дальше он ехал, тем грустней ему становилось. Наконец, затормозил, присел на бережку и принялся смотреть на серебрящуюся под ярким солнцем реку. Но успокоение так и не пришло.

Войти в реку

В эту реку Павел Иванович входил много раз. Не один, и не два, а сотни, если не тысячи. И каждый раз удивлялся одному и тому же: почему вода столь холодна? Вроде, и воздух уже за двадцать, а всё равно от низкой температуры сводит ноги, а по коже бегут мурашки.

Надо сказать, именно первое погружение доставляло Павлу Ивановичу наибольший дискомфорт. От осознания, что сейчас его верхняя половина окажется в холодной воде, становилось не по себе. Павел Иванович похлопывал мокрыми руками по плечам, грудной клетке и животу, пытаясь примирить свой организм с неизбежностью водной процедуры, но легче не становилось. Наконец, делал решающее усилие и отправлял-таки противящееся тело в мало-пригодную для него среду обитания.

Было непонятно, зачем он лезет в эту прозрачную жидкость, на середине едва доходящую до колен. Но каждый раз с упорством, достойным лучшего применения, насиловал свои естественные потребности, утешая себя тем, что это необходимо для здоровья. Каким образом достигался закаливающий эффект, было непонятно. Ничего, кроме посинения кожи, не обнаруживалось. Правда, и болезни обходили стороной, но не из-за купания же!

Всё это происходило с завидным постоянством, год за годом, с мая по сентябрь. Павел Иванович купался в сухую погоду и в дождь, в жару и в длительное похолодание. Всё отличие заключалось в длительности пребывания на берегу. Если было солнце, то под ним можно было и полежать часок-другой, если же тучи и ветрено – пребывание на берегу продолжалось считанные минуты. Но в любом случае водная процедура занимала не более двух минут. Большого организм не выдерживал.

Что же это за речка такая, купаться в которой могут только особо стойкие люди? Есть, есть такая. Весьма живописная, кстати.

Необходимо отметить: несмотря на все испытания, сопутствующие погружению, май Павел Иванович ждал с нетерпением. И пусть его заранее колотила дрожь, губы синели, а кожа покрывалась пупырышками, он знал: как только в саду засвищет соловей, его обязательно потянет на знакомый бережок. Там он разденется и, поругивая себя за безрассудство, спустится к воде, окунёт одну ногу, другую, изумится собственной храбрости и, пугая мелких рыбёшек, сойдёт в глубину – туда, где примерно по пояс. Небольшое усилие – и холодная вода сомкнётся над головой отчаянного купальщика. Ну, а дальше – как обычно: берег, прыжки для сугреву, энергичные размахивания руками и прочие телодвижения.

Говорят, в одну реку нельзя войти дважды. Как бы не так! Павел Иванович опровергает это утверждение год за годом. Конечно, можно сказать: это только кажется, что вода в реке всегда одинаковая. Но у Павла Ивановича на сей счёт своё, сугубо индивидуальное мнение. Прежде всего, в плане температуры.

Ёжик и верблюд

«Все называют меня верблюдом, даже ёжик. Мол, ни на что другое, как жевать колючки, я не способен. Но ведь сам-то он – типичная колючка, причём не маленькая. А я его не трогаю! Значит, никакой я не верблюд, а... Ну, скажем – корабль пустыни!»

Довольный найденным определением, верблюд усмехнулся. Не хотелось ему быть вечно жующей скотиной с минимальными жизненными потребностями. Этаким ходячим бурдюком. И жирафом, до которого медленно доходит, быть не хотелось. А вот на чистокровного арабского скакуна он согласился бы. Кого ещё так холят и лелеют? И никому не придёт в голову нагружать тонконового красавца тюками с товаром и домашними пожитками. Хозяин скорей сам их понесёт, лишь бы не утруждать благородное животное. Но, видимо, гарцевать под парчовой попоной верблюду не суждено.

Между тем, ёжик посматривал в сторону тяжело груженого верблюда и недоумевал: как тот всё это понесёт? Он же не самосвал, в конце концов, не КамАЗ с прицепом. Впрочем, верблюд – он и в Африке верблюд. А коли так – грузи его до упора!

Ежу стало понятно, насколько благоволила к нему судьба, сделав его маленьким и шустрим. И насколько не повезло верблюду, вынужденному всю жизнь горбатиться за ведро воды перед долгим переходом через пустыню. Игольчатый пригляделся повнимательнее и заметил аппетитного вида слизняка, ползущего по травяному листу. Больше верблюд его не интересовал.

Двугорбый ещё немного повздыхал над своей незавидной судьбой, но потом вспомнил: у скакуна ведь жизнь тоже не сахар. Время от времени его так гонят вскачь, что не позавидуешь. А вот его, верблюда, никто никуда не гонит. Понимают: бесполезно, да и себе дороже. Так что, может, не всё так плохо?

Медленно встал и величавой поступью тронулся в путь. Всё-таки, он не столько верблюд, сколько корабль пустыни. Верблюды в зоопарке. Они ещё плюются в не в меру любопытных зрителей. Но это же некультурно! Корабль пустыни себе этого никогда не позволит. Влагу нужно экономить.

Назвался груздем

В кузове было не продохнуть, а представители грибного братства всё прибывали. Урожай в этом году выдался на славу и подосиновиков с маслятами было великое множество. А ещё подберёзовики, белые, рыжики, сыроежки... Куда девать всю эту прорву, было непонятно. Решили грузить в кузов, а там видно будет.

Грузовик уже стронулся с места, когда на обочине нарисовалась колонна груздей. Водитель заглушил мотор и замахал руками: в кузов! Что вызвало негативную реакцию у плотно спрессованной массы грибов, особенно у белых и подосиновиков:

– Они там что, с ума посходили? Ступить же некуда! И так кругом сплошные сыроежки. Какой от них прок? Труха одна. Суп из них не сварить, на зиму не засушишь. То ли дело мы! Крепыши! Нас и на сковородку можно, и в суп. И если кого и грузить в кузов, так только нас одних. А остальных можно и выкинуть. В том числе, и маслят – скользких да прилипчивых. Но они хоть на засол годятся и их пребывание здесь ещё имеет какое-то логическое объяснение. Но грузди... Они же всех накроют своими широкими шляпами! И мы так и не увидим, куда нас везут! Нет, грузди нам не нужны!

Винючки всеобщего недовольства чувствовали нарастающее раздражение и конфликтовать с враждебной массой не хотели. Обратились к водителю грузовика:

– Может... Мы... Это... К тебе, в кабину... Потеснимся, утрамбуемся... А?

– Нет, братцы, не пойдёт. Вы же не лисички! Вот лисичек я бы с удовольствием. Лисички – это...

По лицу водителя расплылась мечтательная улыбка и грузди смущённо потупили очи. Но лезть в кузов по-прежнему не хотелось и они предложили:

– А если мы скажем, что мы лисички? Мы же похожие. Ну, немножко побольше, чуточку поглубей. Нас иногда даже путают...

– Нет, вы уже назвались груздями. Полезайте в кузов. В кабине вы без надобности. Дорога длинная, мало ли кто встретится по пути? Настоящие лисички, например. И куда я их посажу? Не ломайтесь, лезьте, куда сказали. И поживей!

Водитель нажал на стартер, двигатель завёлся и грузди нехотя полезли в кузов. Ступить там было некуда и они расположились прямо поверх голов ошеломлённых таким нахальством пассажиров. Но спорить было бессмысленно и бесчисленные подберёзовики и маслята покорно приняли на свои шляпки тяжёлую ношу. Хорошо ещё, грузди – не мухоморы. Мухоморы – это полный абзац! Хуже них только бледные поганки.

Запах денег

Юрий Петрович был обладателем удивительного, уникального таланта: невероятной, сверхъестественной чувствительностью к запахам, исходящим от денежных знаков. Принюхавшись, он мог практически безошибочно определить, кто последним держал купюру перед тем, как она к нему попала. Причём чем выше был номинал, тем проще было Юрию Петровичу. В этом свете совершенно естественным выглядел тот факт, что работе с тысячерублёвкой он всегда предпочитал работу с пятитысячной бумагой. Что же касается сторублёвок и прочей мелочи, то на этих платёжных средствах феноменальные способности Юрия Петровича заканчивались и он становился таким же, как все.

Эта пятитысячная банкнота сразу привлекла его внимание. Всё указывало на то, что последним её обладателем была дама, далеко не безразличная к своей внешности. А ряд косвенных факторов указывал на то, что она, ко всему прочему, была ещё и блондинкой, что особенно воодушевило Юрия Петровича, жгучего брюнета.

Но из чего он исходил в своих выводах, на что опирался? Помогало хорошее знание рынка косметических товаров, знакомство с сильными и слабыми сторонами различных производителей парфюмерии, их ориентировкой на пожелания той или иной группы потребителей. Например, не подлежал сомнению такой факт: вряд ли брюнетка воспользуется тональным кремом от Garnier, имея возможность приобрести аналогичный крем от Giorgio Armani. А здесь было именно так.

Высокое качество используемой косметики предполагало и высокий уровень благосостояния таинственной незнакомки, что не могло не радовать. Юрий Петрович рисовал в своём воображении прелестный образ и с каждым новым запахом, который ему удавалось распознать на обследуемой купюре, его уверенность в безошибочности своих суждений только возрастала. Например, подобной губной помадой могла пользоваться лишь женщина с ослепительной улыбкой, устоять перед которой не было никакой возможности. Что же касается лака для ногтей, то это был и вовсе сигнал бедствия для каждого уважающего себя мужчины.

Юрий Петрович ещё долго бы изучал заинтриговавшую его банкноту, но она была не одна. А раз так, следовало изучить и другую, номиналом в две тысячи рублей.

Здесь уже были совсем другие ощущения. И дело было даже не в цветовой гамме или рисунке, значительно уступавших своей изысканностью предыдущему платёжному средству, а в исходившей от банкноты поистине адской смеси запахов, поражавших своей дисгармоничностью и несуразностью. Один запах копчёной колбасы чего стоил! А ведь он ещё и смешивался с запахом машинного масла и тормозной жидкости! И вся эта жуткая какофония накладывалась на запах отвратительного кофе, что вызывало прямо-таки рвотный рефлекс. «Опять частник побеспредельничал! Ну, завёл ты автосервис, бабки вложил, причём немалые... Что ж ты со здоровьем-то своим делаешь? Это ж надо: протереть руки ветошью – и за бутерброд! А кофе... В нём и кофе-то нет! Ни зёрнышка! А как можно такими руками вести взаиморасчёты? Это же деньги! Они же потом какому-нибудь пианисту достанутся! И как тому быть после этого? Он ведь, если узнает, кто был его предшественником, все ноты перепутает! До дизел от ля бемоль не отличит!»

Вспомнилось, как однажды ему встретилась купюра, побывавшая у дирижёра симфонического оркестра. Это было нечто! Бумага впитала в себя не только запах цепких дирижёрских пальцев, но и энергетику, которая буквально извергалась из повелителя созвучий и аккордов. Бумага прямо-таки трепетала в руках Юрия Петровича, возбуждая в нём широчайшую гамму чувств: от божественного восторга до глубокой печали, от робкой надежды до жестокого разочарования. Он даже не понял сперва, что происходит, и только уловив запах пота, смешанного

с тончайшим ароматом мужских духов LACOSTE, догадался, с кем имеет дело. Кстати, дирижёрский пот – это нечто особенное: совсем другое, нежели пот слесаря-водопроводчика. Тут и объяснять ничего не нужно.

Юрий Петрович вложил в бумажник изученные вдоль и поперёк двух- и пятидесятирублёвые купюры и придвинул к себе чашку горячего кофе. Ах, какой аромат! И как же мало нужно человеку для полного счастья! Включил телевизор. Там как раз начиналась трансляция концерта симфонической музыки, после которого ожидалась передача «Ваш личный автомобиль. Маленькие хитрости большого ремонта», после которой предстоял просмотр фильма «В джазе только девушки» с участием Мэрилин Монро – любимой актрисы Юрия Петровича. Всё – в точном соответствии с программой передач, изученной накануне.

Воронка @ снаряды

Электричка замедлила ход и остановилась. Двери раскрылись и Валентин Петрович ступил на платформу. Здравствуй, дача! Целую неделю не виделись.

Он уже подходил к участку, когда почудился знакомый запах. Нахлынули воспоминания...

Надо сказать, в настоящее время Валентин Петрович пребывал в статусе пенсионера. Трудовая биография его была небогата: армия, завод, вечерний институт, инженер-технолог. Ничего героического. И могло так случиться, что ему и вспомнить-то было бы нечего, если бы не два года службы в артиллерийских войсках.

Провожали его шумно, гуляли до утра. Ну, а потом – армейские будни. Валентин Петрович попал на гаубичную батарею подносчиком снарядов и относился к своим служебным обязанностям со всей серьёзностью. Почему и не подвергался излишним нападкам со стороны сослуживцев.

Особенно привлекательны были стрельбы на полигоне. Орудие рывкало с такой силой, что дух захватывало. Гильза упруго выскакивала из орудийного затвора и Валентин Петрович тут же вставлял туда другой снаряд. Пли!!! На горизонте вставало облако пыли, наводчик вносил соответствующую поправку и всё повторялось вновь. И это было здорово!

Открыл скрипучую калитку, прошёл в дом. Переоделся. Вышел на крыльцо.

Июньское солнце припекало вовсю. Какая же всё-таки это благодать – подмосковное лето! Но дело не терпит. Взял из сарая грабли и прошёл на участок.

То, что он увидел, поразило его в самое сердце. Прямо посреди ухоженных грядок с луком, петрушкой и укропом красовалась... большая воронка! Точно такая же осталась бы от гаубичного снаряда. И запах... Лёгкий, почти неуловимый, но только не для бывшего артиллериста.

Значит, пока его не было, кто-то обстрелял его участок? Но кто и зачем? И почему нет никакой реакции окружающих? Им что, по барабану, что их соседа кроют тяжёлыми снарядами?

Недоумевая, подошёл к краю воронки. Услужливая память напомнила один эпизод, случившийся в армии. Их лейтенант получил очередное звание и на радостях пальнул куда-то не туда. Оказалось – в колхозное поле. Но поле – не дачный участок! И, в конце концов, там произрастала лебеда, а не радовали глаз грядки с овощами, в которые вложен немалый труд!

Возмущение нарастало. Ему что, теперь придётся эту воронку засыпать? А землю где брать? Земля-то должна быть не абы какая, а удобренная. И, кстати, кто вернёт ему морковь, уничтоженную артиллерийским ударом?

В голову пришла и другая мысль: а с чего это он решил, что данная воронка – от снаряда? Может, это авиационная бомба? Ну, бомбардировщик пролетал мимо и потерял... Могло ведь так случиться?

И чем больше он рассуждал на эту тему, тем становилось очевиднее: разборки предстоят долгие и каков будет результат – совершенно непонятно. А коли так – ну его к лешему! Никто же не пострадал. Земля? У него есть компостная куча. Вот и пригодилась.

Валентин Петрович повеселел и уже не с таким пессимизмом посмотрел вокруг. Всякое бывает! В армии, на крупных учениях они как-то пальнули и вовсе не туда. Ошиблись с расчётами. Ну, и попали... Не то в коровник, не то в свиноферму... Вони было! Снаряд-то аккумулятор в кучу лёг... На скотном дворе... Но ничего, разобрались. Главное, никто не пострадал, животные – в том числе.

Потянуло посмотреть, что там, на дне. Спрыгнул и... замер: в стенке торчал неразорвавшийся снаряд! Мама родная! А если он сейчас рванёт!

Мухой вылетел из воронки... Отбежал на пять метров... Бросился на землю, зажав голову руками... Боже, спаси и сохрани!

Однако, взрыва не последовало и Валентин Петрович успокоился. Принялся рассуждать: «Так, значит, снарядов было два! Один взорвался, другой – нет... Но это невозможно! Любой артиллерист вам скажет: два снаряда в одну воронку не падают! Можно шарахнуть по колхозному полю, разнести в щепки чей-то сарай и это будет нормально. Но чтобы положить один в один... Нет, это абсурд!»

Оторвал голову от земли, взгляделся в чернеющую яму. Появление воронки на его территории вызывало всё больше вопросов. Но главным и совершенно неумолимым был: как, каким образом случилось столь сверхъестественное попадание? Кто тот наводчик и что это за орудие, стреляющее столь метко? Меняются все ориентиры! Теперь, в случае боевых действий, и спрятаться будет нелегко! Только завалишься в свежую воронку – тебя тут же и накроет! И ничего не останется!

Перспектива бесследного исчезновения в боевой обстановке была столь впечатляюща, что Валентин Петрович похолодел. А ведь он всего лишь две недели назад поругался с соседом, Петром Кузьмичём, по совершенно ничтожному поводу – тот ремонтировал забор и передвинул угловой столб, нацелившись на чужую территорию. Нужно срочно помириться, не то...

Что могло случиться в случае продолжения ссоры, было непонятно. Но лучше не рисковать. Воронку – засыпать, и побыстрее. Кажется, пока всё. Другие работы – по мере необходимости. Эх, как же хорошо в июне месяце!

Валентин Петрович встал, отряхнулся, вынес из воронки боеприпас, положил возле забора. «Надо позвонить сапёрам. Пусть приедут, обезвредят...» Выкатил из сарая тачку и прошёл к компостной куче.

Трудовые будни начались.

Уже совсем скоро

На протяжении нескольких месяцев Евграф Лукич с завистью поглядывал на машину соседа по даче – топ-менеджера крупного коммерческого банка, могущего себе позволить шикарное авто. Их у него было штук пять (включая два сверхнавороченных мотоцикла), но эта... Стремительные формы, мощный мотор... Взгляд не оторвать!

У Евграфа Лукича, главного бухгалтера еле сводившей концы с концами деревообрабатывающей фабрики, была потрёпанная «Тойота» бог знает какого года выпуска. Функционал её был плачевен. Даже в МакДональдсе Евграфу Лукичу приходилось расплачиваться самому. Но позволить себе что-то более соответствующее духу времени он не мог.

И тут случилось то, чего никто не ожидал: сосед подошёл к возившемуся со своей старушкой Евграфу Лукичу и предложил... свою тачку! По сходной цене! Типа, он надумал приобрести Мерс последней, летающей модели и его нынешняя игрушка стала ему без надобности. Ну, и чтобы не возиться... Короче, берёшь?

– Да, конечно! – только и выговорил потрясённый невиданной щедростью автолюбитель.

Коллеги по работе по достоинству оценили приобретение сослуживца и когда на следующий день встал вопрос, кому ехать на совещание с поставщиками и смежниками, послали именно его. Поддержать престиж фирмы.

Совещание проходило в крупном офисном центре. Евграф Лукич подъехал в назначенное место, поставил машину на парковку и отправился в конференц-зал. Всё остальное должен был сделать автомобиль, о чём подробнейшим образом поведал предыдущий владелец. А иначе – за что такие бабки?

Четырёхколёсный друг проводил Евграфа Лукича сочувствующим взглядом. Конечно, в его функции входила оплата парковочного места из средств, выделяемых хозяином. И если он поступит так, как то него требуется, то через пару минут не подъедет эвакуатор и Евграфа Лукича не отправят на штрафстоянку. Да-да, именно его, ибо зачем тащить за тридевять земель железо, если гораздо экономичнее отправить туда хозяина? Проштрафился-то он, а не его транспортное средство! Решение городских властей по данному вопросу совершенно закономерно!

Мысли железного скакуна обрели странную направленность: «Вообще, этот новый водила – большой чудак. Думает, я буду на него пахать и день и ночь... Выделил на всё про всё какие-то смешные бабки и крутись, как знаешь! Чувак, ты чего? Мне же уход нужен, ежедневная помывка! И не из шланга, а в приличном месте – на мойке. И не на обычной, автоматической, где тебя сперва окатят какой-нибудь дрянью, после чего обработают волосяными щётками, на которые у меня аллергия, а класса люкс, с мойщиками в бикини, мягкими тряпочками, пропитанными особо возбуждающим в плане эротики раствором и селфи на память в конце помывочной процедуры. Но так было раньше, а теперь в соседнем районе открылась новая мойка и в ней – всё в моём вкусе: тихая музыка, приглушённый свет, мойщики топless... Извини, брат, мне моё здоровье дороже».

Проследил взглядом, как ко входу подъехал эвакуатор, из него выскочили люди в масках и скрылись в направлении конференц-зала. Через несколько мгновений показался протестующий Евграф Лукич в наручниках и с синяком под глазом. Его впихнули в машину и та, не мешкая, рванула в направлении Капотни.

Мягко заурчал мотор и соскучившийся по красивым мойщикам автомобиль стронулся с места. А Евграф Лукич подождёт. Ну, постоит часок-другой на привязи, ничего с ним не сде-

ляется. Зато с его личным транспортом будет полный порядок. Кстати, сговорчивей будет. А то выделяет сущие копейки. Этак и на бензин не хватит...

Облом

Сдавать стал Потапыч. А коли даст дуба – кто вместо него останется? Родичи из тайги пожалуют?

И решили волк с лисой действовать. Перво-наперво – навестить хворого, узнать, что да как. Справились у кабана: когда придти можно? Кабан у Потапыча был за душеприказчика.

На следующий день зовет их Топтыгин. Кабан – рядом: глазками зыркает, копытцами постукивает, о клык перо точит. Видать, наследство оформляет.

– Как здоровышко, Мишенька? – приторным голосом лиса спрашивает. Потапыч ей отвечает:

– Ох, худо мне, милая. До утра не дотяну. Все бросили меня, косолапого. Только вы обо мне и вспомнили. Ну, я вас и отблагодарю. Пусть все мое хозяйство: чаша непролазная, речка с рыбою да болото с лягушками, три поляны медвяные да две ягодные вам, детушкам, и достанутся. Но с условием: поделите всё меж собой поровну, чтоб владеть по-честному. Как поделите – мне доложите. А я пока посплю.

Повернулся на бок и захрапел.

Задумались волк и лиса. По-честному – это как? И спросить не у кого. Разве что у филина...

Отправились на поиски мудрой птицы. Нашли, рассказали, в чем дело. Филин и говорит:

– По-честному – это когда одинаково. А у вас – и зубы разные, и аппетит... Ничего не получится. Но есть выход. Делаете меня управляющим – и спите спокойно. Вы спите – я работаю. Прибыль – 20% годовых. А уж меж собой мы как-нибудь договоримся. Идет?

Побежали волк и лиса к Потапычу. Тот выслушал, что им филин посоветовал, и говорит:

– Вот что, братцы, за 20% годовых я, пожалуй, ещё и сам поживу. У меня такого навару никогда не было. А вы... Катитесь-ка отсель подобру-поздорову. Вы мне теперь без надобности.

И поплелись волк и лиса восвояси. А всем хозяйством теперь филин заведует. Потапыч не нарадуется. Кстати, и кабан неплохо устроился. Заместителем у пернатого. Чудеса?

Nostalgie

Поёживаясь от холода, Гавриил вышел на крыльцо. Вставало солнце, залиvisto кричал петух... Гавриил вставил ноги в большие галоши и засеменял в сторону деревянного домика в углу участка.

Нет, у Гавриила было всё необходимое по санитарно-гигиеническим нормам: вибросан-узел, бассейн с минеральной водой, безотходная очистительная установка, массажный кабинет, банно-грязевый комплекс и многое другое. Но с некоторых пор ему захотелось чего-то необычного, острого, даже экстремального. Тогда-то он и обнаружил в глобальном архиве описание одного объекта, возводимого далёкими предками на протяжении столетий и используемого ежедневно. Сегодня, в IV тысячелетии от Рождества Христова, в эру 99%-ой усвояемости объект этот выглядел особенно экзотически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.